

5. Kognitivnyj slovar' literaturno-filosofskogo diskursa [Cognitive dictionary of literary and philosophical discourse] / ed.-sost. D. M. Bychkov, E. N. Badalova. Astrakhan: Publishing House «Astrakhan University», 2014.

6. Bagrinovskij G. Yu. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka [Etymological dictionary of the Russian language]: bolee 5000 slov. M.: Astrel': AST, 2009.

7. Voskresenie Khristovo videvshe. Available at: <https://foma.ru/voskresenie-hristovo-videvshe.html>.

8. Ep. Veniamin (Milov). Chteniya po liturgicheskomu bogosloviyu [Readings on liturgical theology]. Available at: http://www.liturgica.ru/bibliot/milov/milov1_10.html.

9. Bychkov D. M. Teoreticheskie osnovy poetiki palomnicheskogo narrativa v blogosfere Runeta [Theoretical foundations of the poetics of the pilgrimage narrative in the blogosphere of the Runet]. M.: Knorus, 2016.

10. Kil'dyashov M. Smertiyeu smert' poprav [Trampling down death by death]. Available at: <https://public.wikireading.ru/143266>.

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ АФРИКАНСКОГО МНОГОЯЗЫЧИЯ¹

Куксова Елена Леонидовна, кандидат филологических наук, Белгородский государственный университет, 308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85, e-mail: kuksova@bsu.edu.ru.

Блажевич Юлия Сергеевна, кандидат филологических наук, Белгородский государственный университет, 308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85, e-mail: sapo.sapin@yandex.ru.

Волошина Татьяна Геннадьевна, кандидат филологических наук, Белгородский государственный университет, 308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85, e-mail: tatianavoloshina@rambler.ru.

Статья посвящена проблемам изучения африканского многоязычия. В ходе работы авторы систематизируют теоретическую базу по рассматриваемой проблематике, уделяя наибольшее внимание таким ключевым понятиям, как «родной язык», «первый язык» и «второй язык». В работе также рассматриваются основные лингвокультурологические и социополитические трудности, сопутствующие африканскому многоязычию, в том числе оцениваются возможности решения рассматриваемых проблем.

Ключевые слова: языковые контакты, билингвизм, многоязычие, мультилингвизм, интерференция, межэтническая коммуникация, лингвокультурология, Африка

ON THE PROBLEMS TO AFRICAN MULTILINGUISM

Kuksova Elena L., Candidate of Philological Sciences, Belgorod State University, 30015, Russia, Belgorod, 85 Pobeda St., e-mail: kuksova@bsu.edu.ru.

Blazhevich Julia S., Candidate of Philological Sciences, Belgorod State University, 30015, Russia, Belgorod, 85 Pobeda st., e-mail: sapo.sapin@yandex.ru.

Voloshina Tatiana G., Candidate of Philological Sciences, Belgorod State University, 30015, Russia, Belgorod, 85 Pobeda st., e-mail: tatianavoloshina@rambler.ru.

The article is devoted to the problems of studying African multilingualism. In the course of the work, the authors systematize the theoretical base on the subject matter, paying the greatest attention to such key concepts as «mother tongue»,

¹Статья выполнена в рамках дополнительного внутривузовского конкурса НИУ «БелГУ» на соискание грантов для поддержки общественных и гуманитарных направлений развития университета. Приказ № 737 – ОД от 15.08.2018.

«first language» and «second language». The paper also discusses the main linguistic and sociopolitical difficulties that accompany African multilingualism, including the possibilities of solving the problems under consideration.

Keywords: language contacts, bilingualism, multilingualism, interference, inter-ethnic communication, cultural linguistics, Africa

Языковая ситуация Чёрной Африки с и до момента появления первых колонизаторов на континенте была сложной в силу огромного разнообразия языков, этносов, народов и культур. В настоящее время на африканском континенте говорят примерно на 1200 языков к югу от Сахары, не считая диалектов. Общее же число африканских языков остаётся неизвестным: всё чаще исследователи обнаруживают, что многие языки, выделенные ранее как отдельные, оказались диалектами одного языка, а выявленные диалекты некоторых языков оказались самостоятельными языками [5, с. 176–177].

Изучение многоязычия в Африке осложняется тем, что многие местные языки не имеют письменной формы и существуют только в устной форме. В силу отсутствия письменных форм речи, а также из-за стремления молодёжи в крупные города (что вынуждает молодых людей покидать свою деревню, в то время как число пожилых людей постепенно сокращается), многие африканские языки «вымирают», а вместе с ним целые этнические группы со своей культурой и историей [9].

Язык является частью жизни общества и используется людьми определённой социальной группы. Между людьми, использующими один и тот же язык, существует полное взаимопонимание. С другой стороны, язык вполне может быть разделён на разные социолекты. В этом случае между людьми, говорящими на различных социолектах, взаимопонимание будет частичным, несмотря на то, что язык остаётся тем же.

Количество языков и их носителей в Африке сильно варьируется: некоторые языки служат средством общения для большого числа говорящих (например, около 25 миллионов африканцев используют суахили в повседневной и общественной жизни); другие же языки насчитывают лишь несколько сотен носителей и находятся на грани исчезновения [6].

Современное африканское общество подвижно и изменчиво: коммерческие обмены, необходимые странам Африки для выживания, внутриафриканские и международные организации требуют от африканского общества минимального взаимопонимания, и эта необходимость порождает, как минимум, двуязычие и даже многоязычие.

Для большинства африканцев двуязычие асимметрично, что, как пишет Л.-Ж. Кальве, означает, что один из двух языков пользуется популярностью по сравнению с другим, а говорящий чувствует себя комфортнее при его использовании. Популярный язык обычно удобен в использовании для индивида [7, с. 8].

Возникает предположение, что родной язык будет всегда удобен для индивида, и что именно его легче использовать. Но в случае африканского многоязычия это не всегда так. В отчёте ООН «Human Rights Watch, Victims of War: Civilians, the Rule of Law, and Democratic Liberties» от 1999 года отмечается, что зачастую африканцы по какой-либо причине (обычно из-за рода профессиональной деятельности) вынуждены регулярно говорить на втором языке, а не на том, который был усвоен первым в детстве. Зачастую африканцы очень быстро теряют возможность самовыражения на первом языке и/или даже полностью забывают его [10].

Понятия «родной язык», «первый язык» и «второй язык» сложно характеризовать. Так, например, считается, что первый и родной язык являются синонимичными понятиями. Однако упомянутые термины имеют некоторые особенности. Так, О.С. Ахманова пишет, что родной язык усваивается

индивидом в раннем детстве путем подражания окружающим [1, с. 532], в то время как, по мнению Ю.Д. Каражаева, понятие «первый язык» подчёркивает первоочередность усвоения языка и принадлежность к определённому этносу. Язык окружающего общества и уровень владения языком могут постоянно меняться в течение жизни [4, с. 388].

Ж. Багана выделяет первый и второй языки билингва (в зависимости от последовательности их усвоения), а также первичный и вторичный языки (в зависимости от большей или меньшей степени использования одного из языков, а также значения каждого из языков для билингва) [2, с. 15].

Язык, достаточный для речевого общения и понимания сказанного в раннем детстве, принято называть первым. Если ребёнок одновременно усваивает два языка в равной степени, то принято считать, что у него несколько первых или родных языков. Обычно первый язык является родным и используется в большинстве ситуаций общения, а второй язык является вторичным как в плане усвоения, так и в плане использования. Также отметим, что на практике сложно оценить первичность/вторичность языков, частотность их использования и степень важности каждого из них, потому что язык, которым взрослый индивид владеет свободно, или язык матери не всегда является первым языком индивида.

Ж. Дурк отмечает, что «родной язык», на котором говорит мать, и «первый язык», который усвоил человек, могут быть разными. Учёный подчёркивает, что такая языковая ситуация – это участь африканских детей, «усыновлённых лингвистическим сообществом, отличным от их родной лингвокультуры». Африканский ребёнок изучает язык общества вокруг него, независимо от того, является это общество его родной языковой средой, где выросли его родители (мать или отец), или нет, и именно этот язык является его первым языком [8].

Возникает путаница и с понятиями «второй / вторичный язык». Часто язык, который человек освоил вторым, становится первичным и используется в повседневной жизни индивида, а также последний чувствует себя комфортнее при его использовании. В то же время первый язык становится вторичным, то есть используется реже, в более ограниченных ситуациях [8]. Ситуация многоязычия в африканских странах состоит в том, что один и тот же человек может самовыражаться и понимать несколько языков более или менее идеально, однако одному из языков, которым владеет индивид, обычно отдаётся предпочтение.

Ситуация африканского многоязычия во всех государствах Чёрной Африки характеризуется не только как контакт между негро-африканскими языками, но и с европейскими языками.

Европейские языки (английский, французский, испанский и др.), присутствующие на африканском континенте, априори являются иностранными для африканцев, но, тем не менее, играют чрезвычайно важную роль в их жизни, поскольку в большинстве случаев именно европейские языки имеют официальный статус, закреплённый правовыми документами в том или ином государстве.

Однако, принимая во внимание языковое многообразие Африки, возникает вопрос: зачем дополнять царящее на континенте лингвистическое имбродглио европейскими языками? Ответ, по мнению Р. Лемаршана, состоит в том самом языковом разнообразии, которое порождает неуправляемый языковой хаос, препятствует африканским государствам в простом достижении взаимопонимания между гражданами, а также в регулировании многих внутриполитических вопросов. Следовательно, африканцам хотя бы одной страны необходим общий язык для решения наиболее важных для успешного существования страны вопросов [11].

Современное государство должно быть политически и экономически наделено национальным языком. Однако почему тогда африканские государства не выбрали исконно африканский язык для выполнения этой роли?

В отчёте от 2003–2004 гг. «The Great Lakes conflict in Africa», выполненном при поддержке ООН, отмечается, что на Втором съезде африканских писателей и художников, который состоялся в Риме в 1959 году, молодые африканские учёные, проводившие постоянные исследования по лингвистике в Африке, поднимали вопрос об основах единства африканских языков в целях содействия естественной эволюции и перегруппировки этих языков таким образом, чтобы получить единый африканский язык, общедоступный для всех африканских народов, без какого-либо упоминания об искусственных мерах. В ходе собрания так и не удалось принять один общий африканский язык, который должен выучить каждый африканец, поскольку члены собрания не смогли договориться о выборе этого языка из списка, составленного делегатами. Среди языков, предложенных на роль общего языка, были суахили, хауса, йоруба, бамбара, мандинго, фулани [12].

Языковая ситуация, сложившаяся в африканских государствах в начале 1960-х гг., не могла обеспечить надлежащего управления и рационального освоения природных ресурсов этих стран. Решение о навязывании одного языка в ущерб другим могло привести к серьёзным конфликтам. В некоторых государствах вопрос национального языка решился путём продвижения языка с наибольшим распространением, как в численном, так и в территориальном отношении, до уровня официального национального языка, таков статус государства. Так, например, суахили стал официальным национальным языком в Танзании. Однако некоторые этнические группы категорически отказываются использовать другой негро-африканский язык, чем их родной. Например, в Танзании племена Вакусума (около 1 200 000 человек на юго-востоке от озера Виктория) отказались принять суахили [12].

Сопrotивление, сознательное или бессознательное, принятию другого языка (второго, третьего и т.д.), отличного от родного и/или первого языка, предлагаемого некоторыми носителями, легко объясняется тем фактом, что язык фактически служит средством и поддержкой всей цивилизации народа, его традиций, мифов, легенд, устной литературы, обычаев и др. Язык ещё больше, чем средство или опора, представляет собой сущность цивилизации.

Концептуализация вселенной различается в зависимости от каждой цивилизации, и трудно или даже невозможно полностью выразить её на иностранном языке, внутренние и глубокие структуры которого не обязательно соответствуют определённому образу мышления общества. Л.-Ж. Кальве пишет о трудностях перевода реалий африканской культуры, которая, как и языки, представлена множеством укладов и традиций, нюансы которых практически не переводимы без риска полного их искажения [7].

К. Гаделии, в свою очередь, отмечает, что меры по принятию одного официального языка обычно не заходят так далеко и не требуют от граждан той или иной страны полного отказа от родного языка. Официальный язык призван перекрыть, иногда довольно плохо, мозаику разных языков на определённой территории. Учёный подчёркивает, что от гражданина требуется понимать официальный язык и понимать других посредством этого языка. Таким образом, каждая этническая группа сможет участвовать в жизни нации и, тем не менее, сохранять свой собственный язык и своё традиционное культурное наследие [9].

Настоящая проблема, по нашему мнению, социо-политическая, а не лингвистическая, поскольку выбор одного из языков, на которых говорят в стране, в качестве официального, выделит какую-то одну этническую группу, сделав её язык привилегированным в ущерб другим этническим группам. Данное обстоятельство может привести к более или менее выраженному

недовольству и сопротивлению со стороны других народов и этносов, языки которых не получили официальный статус.

Ж. Дурк пишет, что использование одного негро-африканского языка, область распространения которого охватывала бы весь чёрный континент, было бы идеальным решением, но на данный момент оно всё ещё принадлежит к сфере утопии. По свидетельству автора, африканские лингвисты не верят в это ни в ближайшем, ни в далёком будущем в силу неразрешимых социокультурных проблем. Учёный приходит к выводу, что принятие европейского языка в качестве официального государственного языка для африканских стран – это лучшее из решений. Ж. Дурк объясняет это тем, что европейские языки не дают привилегированного статуса конкретному этносу и воспринимаются гражданами как вынужденная необходимость [8].

Ситуация, при которой в обществе сосуществует большое количество языков, порождает также проблему языковых интерференций, то есть недобровольного и неосознанного использования особенностей, свойственных языковой системе ведущего (не всегда родного или первого) языка, в рамках языковой системы второстепенных языков. Интерференция будет наблюдаться на всех уровнях языка [3, с. 15–16].

Рассмотрим примеры интерференции на фонетическом, грамматическом и лексико-семантическом уровнях.

Фонетический уровень. Звуки или фонемы одного языка зачастую отсутствуют в другом языке, из-за чего они неверно понимаются и неверно воспроизводятся. Носители нескольких языков заменяют отсутствующие звуки звуками своего основного языка, более или менее похожими. Рассмотрим наиболее распространённые фонетические замены звуков французского языка африканцами.

Вместо звука [y] можно часто услышать звук [i] (в Сенегале) или [u] (в Конго): *tu (ты) = tout (все, весь); du (частичный артикль мужского рода) = dit (говорит)*.

Звуки [ø] и [œ] произносятся как звук [ɛ]: *seux (ме) = ses (его); œuf (яйцо) = f (буква F)*.

Звук [ə] заменяется звуком [e]: *te (меня, тебе) = thé (чай)*.

Открытый звук [ɔ] заменяется на закрытый звук [o] (только в языках, в которых нет [ɔ], например, в кисуахили, киконго, силуба (kiswahili, kikongo, ciluba): *or (золото) – [o:r] вместо [ɔ:r]; porte (дверь) – [po:rt] вместо [pɔ:rt]*.

Носовые звуки [ɔ̃] и [ɑ̃], не имеющие аналогов в африканских языках, произносятся как [on] и [an]: *oncle – [o-nkl] вместо [ɔ̃kl]; angle – [angl] вместо [ɑ̃gl]*.

Неточности в произношении, а также нарушения интонации создают тот или иной иностранный акцент, выдающий происхождение его носителя.

Грамматический уровень. Грамматические структуры также подвержены интерференции. Данное явление чаще всего вызвано отсутствием аналогичных структур или грамматических явлений в доминирующем языке.

Так, например, в этонском языке отсутствует артикль, поэтому при общении этонцев на французском языке артикль также отсутствует. Вместо «*va acheter du manioc*» (фр. *сходи за маниоком*) носитель этонского языка скажет «*va acheter manioc*» (с этонского «*Eswombə, kə kus muŋ*»).

В языках группы банту глагол «звонить» требует после себя прямого дополнения (винительный падеж), которое во французском языке не сопровождается предлогом, поэтому при разговоре на французском языке можно услышать «*je le téléphone*» вместо «*je lui téléphone*».

Наконец, интерференция также будет проявляться на **лексическо-семантическом уровне**. Например, лексическая единица может переходить из одного языка в другой, претерпевая фонетическую деформацию: «*castilor*» вместо «*casseroles*» (фр. кастрюля), «*maroto*» вместо «*marteau*» (фр. молоток).

Иногда лексическая интерференция представлена заимствованием или частичным заимствованием, например: францизированная форма «*grappe de fruit*» присутствует в камерунском варианте французского языка вместо общефранцузского слова «*ramplemousse*» (фр. *грейпфрут*). Форма лексической единицы частично заимствована из английского языка «*grapefruit*».

Иногда лексическая интерференция наблюдается в устойчивых выражениях, которые ошибочно заменяются на варианты, дословно переведённые с доминирующего языка. Например, вместо «*je te connais de vue seulement*» (фр.: *я лишь знаю, как ты выглядишь*) носитель этонского языка скажет «*je te connais avec les yeux seulement*» (этонский: *mə təjəm wɔ lə mis tə*).

Подводя итоги исследования, напомним, что основной проблемой африканского многоязычия, помимо колоссального языкового разнообразия как в рамках целого континента, так и в рамках каждого отдельно взятого государства, является проблема определения у индивида его родного, первого, второго и т.д. языков. В условиях сложной языковой мозаики африканцы с детства вынуждены осваивать язык и/или языки своих родителей, язык социума, в котором они живут (если этот язык отличается от языка родителей), один из национальных африканских языков, признанный на государственном уровне и закреплённый за определённой территорией, а также один междunarодный язык, важный для продвижения по социальной лестнице.

Если международный язык (как правило, один из европейских языков) определяется колонизаторской деятельностью европейских стран и царит в той или иной стране, априори являясь языком первостепенного значения, то выделение привилегированного африканского языка и наделение его статусом национального создают вторую по важности проблему сложившегося в Африке многоязычия. Данная проблема определяется невозможностью наделить один или несколько языков национальным статусом, не вызвав при этом социокультурных проблем, связанных с нежеланием других африканских народов и этносов принимать чужой язык. Более того, множество крупных языковых групп будут бороться за право считать свой язык национальным, а критерии для отбора языков на роль национального не ясны.

Проблема языкового многообразия в Африке осложняется интерференцией, которая прослеживается на всех языковых уровнях. Несмотря на лингвистические трудности, вызванные языковой интерференцией, проблемы африканского многоязычия во многом носят социальный, этнокультурный и политический характер.

Список литературы

1. Ахманова О. С. О принципах и методах лингвостилистического исследования / О. С. Ахманова, Л. Н. Натан, А. И. Полторацкий, В. И. Фатющенко; под ред. О. С. Ахмановой. – М.: Изд-во Москов. ун-та, 1966. – 184 с.
2. Багана Ж. Языковая интерференция в условиях франко-конголезского билингвизма: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Ж. Багана. – Саратов, 2004. – 350 с.
3. Багана Ж. On interdisciplinary studies of language contacts and contact-induced changes / Ж. Багана, В. Я. Порхомовский // Научный результат, Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2019. – № 4. – С. 14–19.
4. Каражаев Ю. Д. Понятие «родной язык»: мифы и реальность / Ю. Д. Каражаев // Национальные отношения и межнациональные конфликты. – Владикавказ, 1997. – С. 368–393.
5. Куксова Е. Л. Демолингвистическая ситуация в Демократической республике Конго / Е. Л. Куксова, К. И. Коч // Учёные записки Орловского государственного университета. – 2018. – № 4 (81). – С. 176–180.
6. Клоков В. Т. Французский язык в Африке. Лингвокультурологическое исследование / В. Т. Клоков. – Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2000. – 284 с.

7. Calvet L.-J. L'insécurité linguistique et les situations africaines / L.-J. Calvet // *Insécurité linguistique et normes endogènes en Afrique francophone*. – Paris : Agence de la francophonie, 1998. – P. 7–38.

8. Durk G. Benefits of Linguistic Diversity and Multilingualism / G. Durk. – *Cultural Diversity as an Asset for Human Welfare and Development*. – Режим доступа: <https://www.semanticscholar.org/paper/Cultural-diversity-as-an-asset-for-human-welfare-%E2%80%9D-Gorter/b02ae3746ce0ea1fd2c709a4fa7928a106610862>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ. (03.12.2018).

9. Gadelii K. Annotated Statistics on Linguistic Policies and Practices in Africa / K. Gadelii. – Режим доступа: https://www.sprak.gu.se/digitalAssets/1310/1310354_annotated-statistics.pdf, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ. (03.12.2018).

10. Human Rights Watch, Victims of War // *Civilians, the Rule of Law, and Democratic Liberties*. – 1999. – Vol. 11, No. 1 (A). – Режим доступа: <http://www.refworld.org/docid/3ae6a8300.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ. (10.09.2018).

11. Lemarchand R. At the source of the Great Lakes crisis // *The Central African Observatory* / R. Lemarchand. – Режим доступа: <http://observatoire-grands-lacs.org/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ. (10.10.2018).

12. The Great Lakes conflict in Africa // *The French documentation*. – Режим доступа: <https://www.ladocumentationfrancaise.fr/folders/d000098-the-conflict-of-great-lakes-in-africa/2003-2004-transition-democratic-and-persistence-of-violence>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ. (12.11.2018)

References

1. Ahmanova O. S., Natan L. N., Poltorackij A. I., Fatjushhenko V. I.; ed. O. S. Ahmanova. O principah i metodah lingvostilisticheskogo issledovanija. Moscow: Moscow University Publ., 1966. 184 p.

2. Bagana Zh. Jazykovaja interferencija v uslovijah franko-kongolezskogo bilingvizma. Saratov, 2004. 350 p.

3. Bagana Zh., Porhomovskij V. Ja. On interdisciplinary studies of language contacts and contact-induced changes // *Nauchnyj rezul'tat, Voprosy teoreticheskoy i prikladnoj lingvistiki*, 2019, № 4, pp.14–19.

4. Karazhaev Ju. D. Ponjatie «rodnoj jazyk»: mify i real'nost' // *Nacional'nye otnoshenija i mezhnacional'nye konflikty*. Vladikavkaz, 1997, pp. 368–393.

5. Kuksova E. L., Koch K. I. Demolingvisticheskaja situacija v Demokraticheskoj respublike Kongo // *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, № 4 (81), pp. 176–180.

6. Klovov V. T. Francuzskij jazyk v Afrike. Lingvokul'turologicheskoe issledovanie. Saratov: Saratov State University Publ., 2000. 284 p.

7. Calvet L.-J. L'insécurité linguistique et les situations africaines // *Insécurité linguistique et normes endogènes en Afrique francophone*. Paris, Agence de la francophonie, 1998, pp. 7–38.

8. Durk G. Benefits of Linguistic Diversity and Multilingualism. *Cultural Diversity as an Asset for Human Welfare and Development*. Available at: <https://www.semanticscholar.org/paper/Cultural-diversity-as-an-asset-for-human-welfare-%E2%80%9D-Gorter/b02ae3746ce0ea1fd2c709a4fa7928a106610862> (03.12.2018).

9. Gadelii K. Annotated Statistics on Linguistic Policies and Practices in Africa. Available at: https://www.sprak.gu.se/digitalAssets/1310/1310354_annotated-statistics.pdf (03.12.2018).

10. Human Rights Watch, Victims of War // *Civilians, the Rule of Law, and Democratic Liberties*. 1999. Vol. 11, No. 1 (A). Available at: <http://www.refworld.org/docid/3ae6a8300.html> (10.09.2018).

11. Lemarchand R. At the source of the Great Lakes crisis // The Central African Observatory. Available at: <http://observatoire-grands-lacs.org/> (10.10.2018).

12. The Great Lakes conflict in Africa // The French documentation. Available at: <https://www.ladocumentationfrancaise.fr/folders/d000098-the-conflict-of-great-lakes-in-africa/2003-2004-transition-democratic-and-persistence-of-violence> (12.11.2018).

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРСИДСКИЙ ЯЗЫК: ЗАИМСТВОВАНИЯ, ПУРИЗМЫ, НЕОЛОГИЗМЫ

Мухин Александр Александрович, доцент, Астраханский государственный университет, 414000, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: mukhin05@mail.ru.

В статье представлен обзор длительного процесса проникновения иноязычной лексики в персидский язык в его диахронии, возникновение и подъём пуристического движения в иранском обществе в XX в., вызвавшие создание Фархангистана – государственного органа, наделённого задачей строительства собственных слов и терминов на основе персидского лексического материала для замены заимствований. Рассматривается деятельность неоднократно реорганизованного Фархангистана, методы его работы по словотворчеству и терминологическому строительству и влияние результатов его деятельности на лексический фонд современного персидского языка. Исследование построено на данных архивных и недавно опубликованных материалов, современных персидских словарей, публикаций по вопросу «защиты» персидского языка.

Ключевые слова: архаизм, Академия персидского языка и литературы, заимствование, Иран, калька, лексика, неологизм, словообразование

MODERN PERSIAN LANGUAGE: LOANWORDS, PURISMS, NEOLOGISMS

Mukhin Aleksandr A., Assistant Professor, Astrakhan State University, 414000, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev st., e-mail: mukhin05@mail.ru.

The article presents the overview of a long process of penetration of foreign words into the Persian language in its diachrony and the rise of the puristic movement in the Iranian society in the XX century, which lead to the establishment of Farhangistan – a state body, mandated to construct and develop its own, nonborrowed words and terms, based on the Persian vocabulary instead of loanwords. The article also considers the performance and function of continually reorganised Farhangistan, its methods of word creation and derivation, the influence of its results on the vocabulary of modern Persian language. The research is based on the analysis of archived as well as recently published materials, including modern Persian dictionaries, publications on the subject of the “defence” of the Persian language.

Keywords: Archaism, Academy of the Persian Language and Literature, loanword, Iran, loan-translation, vocabulary, neologism, derivation

Как известно, по количеству иноязычных заимствований в персидском языке (фарси) первенство принадлежит арабской лексике. Причём с огромным преимуществом относительно всех прочих, что является результатом почти двухвекового господства арабского халифата с VII в. на обширных территориях Ближнего и Среднего Востока и Центральной Азии, где проживающее персоязычное население на нынешних территориях Ирана, Афганистана и Таджикистана было обращено в ислам. Став языком религии и судопроизводства, администрирования и государственного делопроизводства, науки